

Антология
современной
петербургской
поэзии

Поэтический форум

Том 1

Коллектив авторов
Поэтический форум. Антология
современной петербургской поэзии. Том 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785635
Поэтический форум: Клуб «Приневье»; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-98306-090-6

Аннотация

Антология «Поэтический форум», объединившая произведения 101 поэта, является самостоятельным изданием литературного клуба «Приневье», в который входит и ассоциация литературных объединений «Поэтический форум».

Настоящая антология – попытка показать творчество в основном несоюзных поэтов, среди которых множество истинно талантливых авторов – будущих членов писательских союзов. Редакционный совет надеется, что наша антология станет достойным вкладом в огромное пространство петербургской поэзии и будет достойным продолжением издания «Точка отсчёта» – антологии поэтов Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России.

Содержание

Вступление	7
Татьяна ЕГОРОВА	8
Русский язык	8
Лилия АБДРАХМАНОВА	9
Где ты, мама, теперь?	9
В чём жизни суть?	10
Стихи улеглись на поверхность листа	11
Меж двух небес	12
Импровизация	13
Тибетский лама	14
Пылал расплавленный асфальт	15
Стою во тьме. Вот поднята рука	16
Мой журнальный портрет	17
Воспоминание	18
Прости	19
Наталья АВДЕЕНКО	20
А дед мой ладил голоса	20
Глубина	21
Воспоминание о свадьбе	22
Уезжаю. Уезжаю в город	23
Мозаика Востока	24
Нина АГАФОНОВА	25
Металась я под белым небом	25
Из мук и боли вырастает воля	26
Нет сил сопротивляться... День затишья	27
Имена	28
Мария АМФИЛОХИЕВА	29
Стремленья формируют мир	29
Жемчуг, почерневший от болезни	30
Клубясь, слова шипят, свиваются кольцом	31
Клубясь, слова шипят, свиваются кольцом	32
Георгий на белом коне	33
Проходит наивность и свежесть	34
Стихов ритмичное биенье	35
Сны набегают неспешным прибоем	36
В такт музыке бьёт с перебоем	37
Елена АННЕНКОВА	38
Сон сбежал...	38
Монолог гриба	39
За улыбкой	40
Летний сонет	41
Со мной	42
Татьяна БАКАНОВА	43
Старый город осенью	43
Летний сад	44
Выборг	45

Сны о Венеции	46
Двор	47
Новогодний снег	48
Я занимаю столик у окна	49
Михаил БАЛАШОВ	50
Гербарий	50
Пыль	51
Цветы	52
Утренняя встреча	53
Попытка выжить	54
Недели мечутся по кругу	55
Сбитый мотоциклист	56
За меня давали двоих небитых	57
Не помню первого из близких	58
Вадим БАРАШКОВ	59
Когда я стоял на сухом перевале	59
С рассветом	60
В весеннем лесу	61
От ягод и яблок	62
Как в городе лето	63
У берёз пожелтели виски	64
Зимняя степь	65
Мария БОРИСОВА	66
Счастливый день	66
Нет, время боли моей не лечит	67
Джибулани[1]	68
Сизиф	70
В России прежде, это не секрет	71
Илья БРАГИН	72
Ладно, больше не хнычу, не плачу	72
Восточка	73
Алексей БРИЛЛИАНТОВ	74
Родина	74
А цвет значенья не имеет	75
Сюита портового утра	76
Питеру. Признание	77
Бились «белые» и «красные»	78
Пустой кувшин с дыханьем ветра	79
Семя	80
Ясность	81
Алла БРОЙН	82
Осень Севера	82
Ожидание	83
Нам в жизни всё отмерено, скитальцам	84
Владимир БУРКАТ	85
Ветер истории	85
Связь времён	86
Dead sea	87
Афро-Азиатский разлом	88

Как мало изменился мир!	89
Николай БУТЕНКО	90
Мои стихи	90
Время	91
В шорохе листьев не спится аллее	92
Звучит орган... В глухой ночи	93
Кузнечик	94
Луна ткала во тьме небес	95
Полуденный зной	96
Одежды	97
Елена БЫЧКОВА	98
От Старой Руссы Лобыни близко	98
После дождя	99
Бог простит	100
Детская больница	101
Праздник в церкви	102
Юрий ВИНОГРАДОВ	103
Просьба	103
Тригорское. Пушкину	104
Ольга ВИОР	105
Турмалин	105
Нет, только не сейчас!	106
Скорпион	107
Трюмо	108
Монолог после смерти	109
Пальто	110
Встреча	111
Пейзаж. Берёзовая роща	112
Людмила ГАРНИ	113
Масис (Арагат)	113
Замкнулся круг событий в декабре	114
Домой поэту ехать было скучно	115
Лето на пляжной сумке	116
Андрей ГОРДИКОВ	117
Тридцать лебедей	117
Мои спасатели	118
В деревне	119
Татьяна ГРАЧЁВА	120
И задумал кто-то голос мой	120
Мой милый шут, зачем ты так обидчив?	121
Стрекоза и муравей	122
В зимнем садике долго качели скрипели	123
Молитва	124
Татьяна ГРОМОВА	125
По Высшей воле в космосе царят	125
Придёт пора в неисчислимый раз	127
Что ж ты, девонька, заплакала	128
Туесок на поясе	129
Мария ГРУЗДЕВА	130

Помню луга заветную тропку	130
Стать бы тополем. У дороги	131
Хорошо, что в квартире ночь	132
К берегу причалившая лодка	133
Я умру, наверно, поутру	134
Помнишь, в августовской были	135
Андрей ГРУНТОВСКИЙ	136
Слово	136
Мороз	137
Двадцатый век	138
Воздух морозный, тёплые руки	139
Нам светит солнышко осеннее	140
Отцвела черёмуха, и рябина	141
Деревни	142
Виктор ГУМЕНЮК	143
Зачем тебе Египет?	143
Мой друг уехал на Ямайку	144
Не люблю я самолёты	145
Александр ГУЩИН	146
Сердце Родины	146
У печки, за тлеющими дровами	147
Попробуй	148
Мне возвращаться к жизни поздно	149
Запуржит, зашуршит	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Коллектив авторов Поэтический форум

Вступление к Антологии современной петербургской поэзии «Поэтический форум»

Вы держите в своих руках уникальное издание – антологию петербургской поэзии «Поэтический форум». Её весомость – не только в большом количестве страниц и авторов. В ней впервые собраны под одной обложкой образцы поэзии многих объединений, входящих в литературную ассоциацию «Поэтический форум» при СП России, а также свободных от любых обществ поэтов.

Данная антология является составной частью большой, рассчитанной на перспективу работы редакторского коллектива. Осенью 2010 года в свет вышла антология поэзии членов Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России «Точка отсчёта» (директор проекта – Борис Орлов, редактор-составитель – Владимир Морозов). И хотя в ней был представлен широкий спектр самых различных по своему настроению, взглядам и творческой манере авторов, она никоим образом не может претендовать на всесторонний охват петербургской поэзии.

Настоящая антология – попытка показать творчество в основном «несоюзных» поэтов, среди которых множество истинно талантливых авторов – будущих членов писательских союзов. Это не менее мощный пласт русской поэзии, который, мы надеемся, может заинтересовать и простого читателя, и исследователя современной литературы.

Редакционный совет

Татьяна ЕГОРОВА

Русский язык

Пускай вековая усталость
Сгибает мне плечи, но всё ж
От предков с тобой нам достались
Не только паденье и ложь,

Не только невзгоды и беды,
Но мудрость Божественных книг,
А с ней передали нам деды
Великое чудо – язык.

Мы приняли это наследство:
Разящее остро, как меч,
Духовное мощное средство —
Родимую русскую речь.

И в сердце горит и трепещет
Той речи горящая плоть.
Звенит, словно колокол вещей:
Мария, Россия, Господь!

И вечное Божие Слово
Нам благовествует о том,
Что Церковь есть тело Христово,
Что Русь – Богородицы дом.

Живут в нашем русском народе
Бессмертные эти слова,
Как живы Кирилл и Мефодий,
Как вера и слава жива.

Лилия АБДРАХМАНОВА

Где ты, мама, теперь?

Где ты, мама, теперь?
Протестую
Против тьмы, разделяющей нас.
Буду помнить тебя как живую,
Как с живой, говорю я сейчас...
Буду думать,
Что, может быть, ныне
Мы на разных планетах живём.
Только кто же из нас на чужбине?
Я не ведаю, мама, о том.

В чём жизни суть?

В чём жизни суть? Где кроется секрет?
Что означает форма человека?
Удастся вряд ли до скончания века
Найти на это правильный ответ.
Вопросам и познанию нет конца.
Природа, видно, пошутила с нами.
Вот, например, как ни верти глазами,
А не увидишь своего лица.

Стихи улеглись на поверхность листа

Стихи улеглись на поверхность листа.
Его геометрия очень проста:
Длина, ширина да четыре угла —
Вот плоскость листа, что стихи приняла.
Лишь чудится взору, что строки бегут, —
Застыли слова на бумажном снегу:
Наверно, вот так в состоянии льда
От странствий своих отдыхает вода.
Но в чьей-то душе, я надеюсь, в свой срок
Оттают потоки замёрзшие строк.

Меж двух небес

Нахлынула волна морская
С привычным привкусом слезы,
Меня в объятия принимая
И многократно отражая
Огонь небесной бирюзы.

Перехватило дух, а тело,
Сливаясь с гибкою водой,
Как бы меж двух небес летело
И вес не чувствовало свой.

Импровизация

На родину фламенко, словно птица,
Я прилетела через три границы —
За тридевять земель, на склоне лет
Танцую так, что свет кругом искрится
Под стук послушных пальцам кастаньет.

Танцую так, как будто здесь, в Гранаде,
Всегда жила и в праздничном наряде,
Закутанная в кружева мантильи,
Внимала зову страстной сигирийи.

Хотя в моей крови Восток живёт
И свой характер проявляет смело,
Но почему Испания поёт
В движеньях рук моих,
В изгибах тела?

Я думаю порою, что ответ
Скрывается в пучине древних лет...

Тибетский лама

Казалось, что ему присуще безучастье,
Но, руки протянув, он сжал моё запястье
И долго продлевал свой жест прикосновенный,
Как будто изучал пульсацию Вселенной.

И на волне такой несуетливой встречи
Узнала – есть покой. И в жизни быстройтечной
Есть календарь иной, что годы не считает,
И время не течёт, а тает... тает... тает...

Пылал расплавленный асфальт

Пылал расплавленный асфальт,
К подошвам туфель приставая.
Немало лет тому назад
Узнала я о нравах края,
Где мне, не ведавшей вина,
Грузины, угощая соком,
Сказали: «Не ходи одна,
Чтоб не украли ненароком.»
Не забывается пора,
Когда всё внове и впервые:
И та тбилисская жара,
Прохладная река Кура,
Мужчин призывы озорные,
Что голову кружат, как в вальсе, —
Недолго так и до беды.

Хранятся ль там мои следы,
Запечатлённые в асфальте?

Стою во тьме. Вот поднята рука

Стою во тьме. Вот поднята рука.
Но вдруг, себе самой на удивленье,
Я вижу над своей рукой свеченье
И серебристый свет до потолка!

Откуда он? Беззвездный мрак в окне.
Все разошлись. Квартира опустела.
И вот теперь дано наедине
Моей душе с моим общаться телом.

Мой журнальный портрет

Мой журнальный портрет
познакомился с миром,
Может быть, побывала я чьим-то кумиром, —
Фотографию ту в разных видели странах,
Показали на теле —
и киноэкранах.
А недавно сказал мне знакомый поэт,
Что мой снимок нашёл,
заглянув в Интернет.

В первый раз приезжая куда-то из дома,
Удивляюсь порой,
что мне местность знакома,
Люди – тоже, как будто их видела где-то,
Неустанно с журнального глядя портрета.

Воспоминание

Дрожа от ветра,
Запахнусь в пальто.
Горит листва,
И небо ярко светит,
Сквозя сквозь чёрных веток решето,
Напоминая мне о пыльном лете.
Безмолвен стылый сквер.
Бездонно небо,
Гнездящееся синью меж ветвей.
Куда текут года?
Был или не был Тот день, тот час,
Когда была твоей?

Прости

В моё лицо дохнула гарь вокзала —
Живучий запах горечи и встреч.
Я до сих пор тебе не всё сказала,
Хотя могла бы этим пренебречь.

Могла бы наши годы молодые
Не вспоминать, о них не говорить, —
Ведь мы с тобой давным-давно чужие,
Но что-то не даёт тебя забыть.

Прости меня за то, что не простилась
Ни словом, ни рукою и ушла,
Приняв твоё молчание как милость,
Прости за то, что снимок твой сожгла.

За то, что по тебе я не скучала,
Что твоего не помнила лица.
Но всё же помню той любви начало,
Которой не предвиделось конца.

Наталья АВДЕЕНКО

А дед мой ладил голоса

А дед мой ладил голоса,
К ладоням примерял гармошку,
Мне было боязно немножко —
Он хрипло пел, закрыв глаза.

И песня вдаль меня вела
И, открывая настежь окна,
Плыла туда, где спали копны,
Где мальва яростно цвела.

Луна качалась на волне
И постепенно уплывала,
А мне чего-то не хватало,
И песня плакала во мне!

Глубина

Не утону в Днепре, не утону!
Я веру, словно воду, зачерпну!
И запоют свирели камышей
В моей открытой песенной душе.

Пройдут года, и я к тебе вернусь!
И примешь ты мою любовь и грусть,
Которые я детям отдала, —
Так янтарём становится смола!

Приду к тебе я, Днепр, опять приду!
Ты напои меня – не пропаду!
Губами припаду к разливу вод —
В них силы обретает мой народ!

Ты, слышишь, Днепр, я продолжаю род.
Мы – твой разбитый вдребезги народ.
Но как бы ни пугала глубина,
Мы Китежем поднимемся со дна.

Воспоминание о свадьбе

Чтобы жизнь вольготнее была,
Нам на счастье сыпали деньгами,
Пятаки звенели под ногами
И плясала свадьба, удача!

И в застолье свадебном, простом,
Где деревня радовалась, пела,
Дружка расщипал над всем столом
Ветвь калины тёмной, перезрелой...
Нынче ни одной жилой избы...

Глохнет сад, обвитый повиликой;
У могилы мужа воробьи
Всё клюют рассыпанное лихо...
...Надломлю малиновый пирог —
Удался, я думаю, на диво!

Мать пекла такой же, дай ей Бог!
Память сердце обожгла крапивой...

Уезжаю. Уезжаю в город

Уезжаю. Уезжаю в город...
Не губить же молодость в селе!
Почему сейчас, в лихие годы,
Тянет снова к брошенной земле?

...Потянулись с маникюром руки
К старым краскам. За окном закат.
На картине, словно боль разлуки,
Мамины огурчики лежат.

Мозаика Востока

Я так люблю восточные базары,
Нарядов рябь и столкновенье плеч.
Базары я «мозаикой» назвала
По круговерти радостей и встреч...

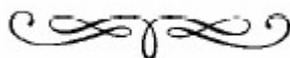
Толпа гудит... Кричат торговки в уши.
Все говорят на разных языках.
Здесь и гадалки, и свои кликуши.
Восходит жизнь, как тесто на дрожжах...

Съел пирожок, тревожит мёда чаша.
И продавцы жужжат – пчелиный рой.
Как дразнит запах тёплого лаваша —
Он высится, сверкает белизной!

Разрезаны язычески гранаты,
Желтеет мякоть переспелых дынь,
Гирлянды перца... И, как чёрт лохматый,
Старик-грузин вдруг станет молодым!

А утомишься – тут же возле рынка
Есть чайхана, в ней русский самовар
Прогреет душу. Словно после ринга,
Лицо пылает сквозь любой загар...

...Мне по душе пьянящий дух базара,
Народ кружит, меня сводя с ума.
Здесь изобилье всякого товара.
А если точно – это жизнь сама!

Нина АГАФОНОВА

Металась я под белым небом

Металась я под белым небом,
По белым выцветшим полям:
«Едины мы водой и хлебом,
Любовью к нашим нищим дням!

Кто оковал во льды протоки,
Живые пашни умертвил?
Кто изменил пути и сроки
Для восхождения светил?

Сердца без пламени оставил,
Без света души, а слова
За непокорность обезглавил?
Всё – бездыханная молва.

Ты, жизнь, как мёрзлая равнина,
Покрыта белой пеленой,
На сотни вёрст неодолимо
Безмолвье, вставшее стеной.

В каких владеньях, сёлах, избах
Не спят и молят до зари
О погибающих отчизнах:
Надежде, Вере и Любви?

Кто слышит голос мой, ответит
На крик из белой тишины?»
И только ветер, только ветер
Во все четыре стороны.

Но час настал, и я спокойна,
Как необъятная земля,
И хлебом новым и привольным
Воскресли чистые поля.

«Всё возвратилось, прояснилось,
И не чужим был голос твой!» —
Земля мне пела, и светилась
Она, как солнце надо мной.

Из мук и боли вырастает воля

Из мук и боли вырастает воля
В бессильном плаче гибнущей души.
Всевидящей судьбой слепая доля
Вдруг станет, голос выковав в тиши.

И голос этот – он не только песня,
Он и набатный колокол сердец,
Охваченных отчаяньем возмездья,
Над ним не в силах властвовать певец.

Нет сил сопротивляться... День затиш

Нет сил сопротивляться... День затиш.
Пал лист на стол – упрёк смолёной ночи.
Неспешный, немудрёный, долгий стих
Его смирял, заковывая в строчки.
Окно являло мир, но мир был нем
И, как фольга, сверкал-переливался...
И только дождь полуночный посмел
Перебивать картавый говор станса.

Имена

Есть имена с таинственным звучаньем,
И ты гадаешь: чем твой дух смущён?
Каким-то странным веет обещаьем
От этих неразгаданных имён.
Томится сердце, снова слышать хочет
Манящий, незнакомый ране звук.
Как будто жизнь иную он пророчит,
И предвкушеньем сдержан твой испуг...

Мария АМФИЛОХИЕВА

Стремленья формируют мир

Стремленья формируют мир.
На тоненьких переплетеньях
Из нитей сложится пунктир
Желаний, вышитых затейно.

И где-то на краю земли
Вдруг отзовется трепетаньем
Давно забытая в пыли
Дорога, и с рассветом ранним

По ней до моря конь промчит,
И сквозь густой покров тумана
На стройный звук его копыт
Ответит голос капитана.

И всё возможно оттого,
Что наконец решился кто-то
На зов желанья моего
Ответить точною работой.

И остаётся только шаг —
Ступить на борт надежды зыбкой.
Я вышиваю синий флаг
С большою золотою рыбкой.

Жемчуг, почерневший от болезни

Жемчуг, почерневший от болезни,
Брежит грустным серым перламутром,
Изменив морской солёной бездне
Ради слов, отчаянных и мудрых.

Мелкий, как песок в пустыне лютой,
Скорбный, как безвестная могила.
В золото оправы как ни кутай —
Блещет безотрадно и уныло.

Не нижи на нитку злые чётки —
Сгустки недотрог-воспоминаний,
Брось, пока расплывчаты, нечётки,
В ящик для несбывшихся желаний.

Клубясь, слова шипят, свиваются кольцом

Клубясь, слова шипят, свиваются кольцом,
Яд мудрости в себе таит любое слово.
Сумей заморозить, не поступаясь лицом, —
Безумное моё искусство змеелова.

На флейте заиграв, рождаю чёткий ритм,
С размаху им слова, как сетью, накрываю.
Почти из ничего узоры форм творим,
Чтоб в них забился смысл, не выползая с краю.

Другой бы вырвал зуб – я сохраняю яд:
Лишь в нём одном живёт возможность исцеленья.
Но доза по плечу не каждому подряд,
Когда придёт черёд остановить мгновенье.

На вкус попробуй смерть.
В ней – жизнь. А мой удел —
Зажать зубами хвост, подобьем ороборо.
Но в чёрных небесах начертит чей-то мел
Пунктиром звёздных жал моё созвездье скоро.

Клубясь, слова шипят, свиваются кольцом

Из мелких случайных минут,
Из жестов, нечаянных вовсе,
Сшиваю надежду одну,
Похожую цветом на осень.

Из пёстрой тщеты лоскутков,
Из мелко нарезанных ситцев,
Как будто из прожитых снов,
Ковёр мой сумеет сложиться.

Пусть пальцы и чувства давно
Исколоты тонкой иглой,
Но взгляды пленяет панно
И лечит сердца втихомолку.

Георгий на белом коне

Георгий на белом коне —
Обещанный принц долгожданный —
Во сне представляется мне,
Но дальше всё смутно и странно.

Играется кольцами змей,
Почти уже мной прирученный,
Ведь слово всех копий острей,
А змей мой – мудрец и учёный.

Мне нравится в тихом плену:
Над книгой, где тайные знаки,
Взыскующей мыслью прильну
К тому, что чуть брезжит во мраке.

Но голос. Но топот копыт.
Но вызов на бой громогласный.
А сон мой ещё не забыт,
Такой очевидный и властный.

В нём слово со словом другим
Сплетаются в общую песню —
Врагов примирившихся гимн.
Лишь с ним я для жизни воскресну.

Проходит наивность и свежесть

Мирославу Савину

Проходит наивность и свежесть,
И мудрость, и властная страсть.
Когда-нибудь, знаю, обрежет
Мне нитку уставшая прясть.

И в этом полёте последнем
Успею, быть может, понять Смысл тёмных,
запутанных бредней,
Во сне приходящих опять.

Мне кажется, в бездне глубокой,
Где чёрен спрессованный лёд,
Старик молодой, ясноокий
Подхватит меня и спасёт.

Стихов ритмичное биенье

Алексею Машевскому

Стихов ритмичное биенье
И тайны древних городов
Несут не умиротворенье,
А Бытия бессмертный зов.

Легко ли в новые миры вам
Открыть для ищущих портал?
Внимаем мы стихий порывам —
И вот уже грохочет шквал,

И кажется, в смятенье снова
Древнейший Хаос восстаёт.
Но брезжит твёрдая основа
Тому, кто знает наперёд:

Сквозь дым грехов,
сумятиц, козней
Дух пламенный проложит путь.
И человеком стать не поздно,
Когда поймёшь, что в этом суть.

Сны набегают неспешным прибоем

Сны набегают неспешным прибоем,
уносят с собою
Вдаль от наскучивших стен
моей старой обжитой квартиры.
Стоит ли мне возвращаться домой
на рассвете бездушном,
Если я даже, допустим, услышу будильника вопли?
Нет, это чайки, взмывая,
кричат над волною свободной,
И, просыпаясь,
я качку почую спиною усталой:
Долго стоять довелось
на вечерней мне вахте. Штормило.
Вот и приснилась постель
на шестом этаже, и, настойчив,
Бьётся сквозь стену прозрачную сна
в задремавшем сознание,
Словно бы чайка в стекло смотровое,
будильника голос.

В такт музыке бьёт с перебоем

В такт музыке бьёт с перебоем
И хаос приветствует сердце.
Давно распрощались с покоем,
И не на что нам опереться.
В смертельном безудержном танце
Безумствует яд упоенья,
Впивая озноб диссонанса,
Летят, умирая, мгновенья —
Одно за другим, обрываясь,
Теря последние вздохи...
В отдельности каждое – малость,
Но так погибают эпохи.

Елена АННЕНКОВА

Сон сбежал...

Сон сбежал – у него ворох дел,
С ним свиданья безумны и редки.
Ночь без сна (что ж, таков мой удел)
Провожу в виртуальной беседке.

Рифмы-фрейлины – свита из свит,
Нараспашку душа – загляните.
И пока заоконный мир спит,
Мысли вяжутся в длинные нити.

Ночь моя – временная дыра.
Чтобы время убить, мало яда.
Эй, вельможи ночного двора,
Вас казнить или миловать надо?

Сон явился... потом, поутру...
Он такой вольнодумный вельможа,
Я порхаю на сонном ветру,
И прервать мой полёт – не дай, Боже...

Монолог гриба

Питаясь солнцем и дождём,
Расту под ёлкой в чаще леса.
От шума, города и стресса
Я мхом и небом ограждён.

Частенько снятся мне во сне
Подземные грибные боги.
Какую участь в эпилоге
Грибница предназначит мне?

Быть сорванным всегда есть шанс.
Грибник не спит, по лесу бродит,
Его опять мечта изводит
Сорвать меня. Такой нюанс.

Ну а пока я – друг ветров,
Брат муравьёв и часть вселенной,
Я – символ леса неизменный,
Приятель буйных комаров.

Я благороден – облик, стать!
Красив – взгляните, в шляпе дело!
Шикарное грибное тело – Такое надо поискать!

Пути Господни... Я теперь
Сушусь тихонько на балконе...
Я не червив – тут без потерь.
И вновь у солнца на ладони!

За улыбкой

Что сегодня за улыбкой спрячу?
Вряд ли разгадать удастся вам.
День не поскупился – дал в придачу
Столько, что уже не по зубам:

Шквал эмоций, несогласий бурю,
Горький привкус давящих обид...
НО – что я в душе температуру —
Вам не выдаст мой отрадный вид.

Клон зеркальный улыбнётся хитро,
Одолжит улыбку поносить,
И физиономия – палитра
Красок счастья; так и будем жить...

Ну и что, что серым волком вою?
Я Чеширским притворюсь котом...
Что сегодня за улыбкой скрою?
Расскажу подушке я потом...

Летний сонет

Июнь, июль и август – три куплета
Знакомой летней песни... О-ля-ля! —
Очередное наступило лето.
И снова пух рождают тополя,

Хихикают черешня и клубника,
Ворчат дожди – всё время не попад,
А ночь без тьмы – как летняя улика —
Надежд и откровений водопад.

В кадрили, менуэте или вальсе
Сквозь лето без оглядки мы летим.
Не ускользай, шальное лето, сжался,
Порадуй северян теплом своим.
Оставив в душах след, исчезнет лето.
Но песня до конца ещё не спета.

Со мной

Со мной мои отрада и вина —
За всё, что «пере-» и за всё, что «недо-»,
За торжество изысканного бреда...
Всему своя назначена цена.

Былое изменить я не вольна.
И надо ли? Моё не в этом кредо.
Лишь над самой собой ценна победа —
Тем самым искуплю вину сполна.

Извольте, раздирайте душу в клочья!
Себе останусь верной днём и ночью,
Хоть нервы барахлят и облик хил.
Уставший мозг – вопросов средоточье...
Что в будущем? Поставлю многоточье...
Лишь воли бы хватило, страсти, сил...

Татьяна БАКАНОВА

Старый город осенью

Снова осень пришла в старый город
И раздела сады догола,
Но, туманом окутав просторы,
Красоту его смыть не смогла..

Пышность лета исчезла бесследно,
Отцвела, отшумела пора.
Бьют дожди, словно в колокол медный,
По пустому пространству двора.

Всё отчётливей видятся шпили
Сквозь неплотную сетку ветвей,
В синих сумерках башни застыли,
Став как будто ещё тяжелей.

Есть какая-то тайная прелесть
Не в листве, не в садах, не в цветах,
А вот в этих камнях, что согрелись
В ослабевших последних лучах.

Я вернуться туда обещаю,
Старый город и в ливнях приму.
Эта осень, его обнажая, —
Не во стыд, а во славу ему.

Летний сад

А Летний сад на самом деле – остров,
Прямых аллей таинственная даль.
Расчерчен и посажен очень просто,
Не то, что этот вычурный Версаль.

Уютный, небольшой, тенистый, скромный...
Совсем не слышно жёлудь упадёт,
И встреченный случайно кот бездомный
Со мною ходит, как экскурсовод.

Здесь в тишине могу я выпить кофе
И помечтать на светлом берегу,
Здесь всё не так, как в пышном Петергофе,
Где суета и шум, всё на бегу.

Сюда я возвращаюсь каждый вечер.
Шаги и торопливы и легки.
Листва, как шаль, закутывает плечи
От холода у ветреной реки.

Выборг

*Я сделал свой выбор,
Я выбрал залив.*

Д. Самойлов

Я сделала выбор: я выбрала Выборг,
Всю осень живу на сыром берегу,
Где волны качают серебряных рыбок
И ветер метёт золотую пургу.

Одна, как отшельник, у края залива
Печали свои зарываю в песке
И глажу осоки упругую гриву,
И травы сушу на пустом чердаке —

От гриппа и кашля, простуды и боли...
Шиповник сажаю, от ветра укрыв.
Я счастлива здесь, словно птица на воле,
Свободна, как сильный и гордый залив.

Я долго искала. Я сделала выбор.
Всё, бывшее прежде, спалила дотла.
И, словно бульжник из крепости Выборг,
Корнями и сердцем в ту землю вросла.

СНЫ О ВЕНЕЦИИ

Спит Венеция в дожде,
Тихо, сумеречно, рано.
Только брызги по воде,
Только марево тумана.

Но среди пустых гондол,
Мокрых башен и палаццо
Звуки скрипок и виол
Начинают просыпаться.

За смычками вслед – гобой,
Флейты, трубы в до-мажоре,
Величаво сам собой
Клавесин вступает в споры.

Прогоняю странный сон,
Мне почудились, наверно,
Этот серый полутон,
Это струнное аллегро.

Растворяется в дожде
Звук оркестра... *Piano, piano...*
Только брызги по воде,
Сыро, холодно и рано.

Двор

Этот двор – как труба или пропасть,
Мир, что кажется в детстве так прочен,
Из окна – ледяная суровость
Стен соседних и неба кусочек.

Каждый шаг здесь отчётливо слышен,
Каждый житель с балкончика виден.
Сто семей уместилось под крышей,
В тесноте, да никак не в обиде.

В белом фартуке дворник, как стражник
Моего беззаботного мира,
Всё ключами гремел... Но однажды
В новом доме мне дали квартиру.

Все разъехались вскоре куда-то,
Но по-прежнему душу тревожит
Двор-колодец с небесной заплатой
И становится мне всё дороже.

Новогодний снег

Ещё, казалось,
долгий век
С осенней скукой не расстаться.
Но, к счастью,
выпал первый снег
Под Новый год, почти в двенадцать.

А я леплю снеговика,
Шары катаю,
строю крепость,
Коньком по зеркалу катка
Пишу какую-то нелепость,

Что я люблю тебя давно...
И ты давно об этом знаешь,
Но утром,
выглянув в окно,
Ты слов моих не прочитаешь:

Едва застывший тонкий лёд
Летящим снегом запорошит.
И снова будет Новый год
И встречен без тебя, и прожит.

Я занимаю столик у окна

Я занимаю столик у окна
И жду тебя с остывшей чашкой кофе.
А вдруг мелькнёт
во тьме знакомый профиль,
Но в этот вечер снова я одна.

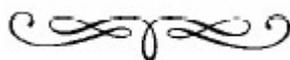
В углу оркестр наигрывает джаз,
Смеётся саксофон, а может, плачет...
Наверно, всё сложилось бы иначе,
Но снова здесь я в этот поздний час.

Я понимаю: столько лет прошло...
Здесь всё по-старому,
и прежнее название
Тревожит душу мне воспоминаньем,
Как свет через витражное стекло.

Всё, как тогда, уютен зал и чист,
Репертуар оркестрика всё тот же,
Но на тебя нисколько не похожий
Играет здесь другой саксофонист.

Звучит бессмертный «Маленький цветок»,
Любимый твой и твой коронный номер.
Нам не судьба быть вместе в этом доме,
Ты – где-то, знаменит и одинок.

И я одна сюда приеду вновь,
С осенними ненастями встречаясь.
Мне кажется, здесь навсегда остались
И музыка, и юность, и любовь.

Михаил БАЛАШОВ

Гербарий

Ах, как пахнет зеленью весна!
Как лужайка летом опьяняет!
Проникают запахи до дна.
Заполняют запахи до края...

В городе природа чуть жива:
Блѣкнет всё в бензиновом угаре...
Вдруг смертельным запахом трава
Душу опалила, как в пожаре.

Что там запах леса и лугов —
Я пронизан до последней жилки
Запахом... агонии цветов
В грохоте бензиновой косилки.

Пыль

Причудлива, логична, неверна, —
Сухая пыль кофейного зерна
На дне стакана сеточкою трещин
Два силуэта показала – женщин.

За годы этот образ не поблёл —
Два профиля впечатались в сетчатку —
Тревожащий причудливый намёк —
Нередко возвращаюсь к отпечатку...

Заваривая кофе всякий раз,
Я не жалею нескольких минуток
Пред марафоном предстоящих суток,
Чтобы на дне опять увидеть вас...

Уже другие кофе, век, стакан —
Так силуэты и не повторились,
А может, не пробилась сквозь обман,
А я в пыли увидеть что-то силюсь...

Цветы

Чернеют скорбные цветы,
Желтеют траурные буквы...
Лежишь под буквами не ты...
И речи – не тебе как будто.
И я боюсь произнести,
Вдохнуть мешающее слово...
Цветам уже не зацвести —
И в сердце рушатся основы.

Жгут незадавленные слёзы,
Плотина держится едва.
Молчу, какие тут слова!
Дрожат чернеющие розы.
Не ты, не ты, жива, жива —
Надежда глупая на чудо:
А вдруг на час, на миг – оттуда.
Нашёл бы главные слова...

А может, мне... туда – отсюда?
На миг, на час... жива, жива.
Сейчас окликну, ты ответишь.
Чего ж ты медлишь, окликай!
Чернеет памяти река —
Один, один на этом свете.

Утренняя встреча

Блеснул в весенней сонной чаше
Неверным пятнышком ручей.
Не очень даже настоящий.
Совсем пока ещё ничей.

Почти без голоса и силы,
Ещё не знающий – куда,
Такой беспомощный и милый...
И очень вкусная вода.

Попытка выжить

В. Воробьёву

Сместился центр тяжести в стихах —
И каждым словом плоть рвалась на клочья,
И шевелился бездыханный прах
Того, кому в горах не смог помочь я.

Я еженощно вспоминал тот день —
И целый год в бреду и на бумаге
Рубил в снегу к спасению ступень,
И расходился со спасеньем в шаге.

Сам триста раз я погибал в снегу,
Но каждым утром просыпался с болью.
Порой казалось – больше не могу,
И прятал память в черноте застоля.

Но ни слова, ни водка не вернут
Ни тот карниз, ни ветер, ни страховку.
И никогда не превратится труд
Увечной памяти – в живого Вовку.

Недели мечутся по кругу

Недели мечутся по кругу:
Полсотни – год, полсотни – два.
Года десятками друг к другу
Ложатся, как в строку слова.

В кольцо очередная фраза
Сложилась, вечность завершив,
Застыв до следующего раза —
На миг – до следующей души.

И вновь неделя за неделей —
До завершения витка.
И те, кто что-то не успели,
Придут опять наверняка.

СБИТЫЙ МОТОЦИКЛИСТ

Вот он, только что – жив и здоров.
Может, пункт номер два и не точен...
По асфальту размазана кровь.
Ощущение, честно, – не очень.

Ситуация – «до» и «теперь».
Между ними секунда вместились.
Перед кем-то захлопнулась дверь,
А быть может, кто знает, – открылась...

За меня давали двоих небитых

За меня давали двоих небитых.
Кто давал и кому – пустое.
И неважно, на сколько и с кем мы квиты
И чего равновесье стоит.

Не бывает обменов вполне равнозначных:
Ни отдать и ни взять целиком не сможешь.
Никакое пособие или задачник
Не научит – и всё же, всё же...

Неудачи, проблемы не позабыты.
То, что было с нами, – отнюдь не пустое.
На пороге стояли двое небитых —
Пусть же будут удачливей эти двое.

Не помню первого из близких

Не помню первого из близких
Людей, ушедших навсегда, —
Кого-то помню без труда
В моём, теперь не малом, списке.

Кто завтра в нём отыщет место?
Расписан график по часам...
Но лишь одна строка известна —
Она последняя – я сам.

Вадим БАРАШКОВ

Когда я стоял на сухом перевале

Когда я стоял на сухом перевале,
Рассыпалась туча на тысячи брызг,
Мгновенно
ручьёв засверкали спирали
И хохотом звонким обрушились вниз.
Расправили плечи седые бурьяны,
Пожухлый кустарник воспрянул листвою,
И ожили разом лесные поляны,
Вбирая в себя земляничный настой.
Блестела скала обновлённым базальтом,
В лощине туман поднимал паруса.
Я видел,
с каким небывалым азартом
Пыталась на радугу сесть стрекоза.

С рассветом

С рассветом
Густая тайга побелела.
И даже по дому
Тоска отлегла.
Последняя ночь
На костре догорела,
А с нею
И осень сгорела дотла.
По-новому слышатся
Шорохи, звуки.
Я с ветки сдуваю
Серебряный сон.
Ничто не забыто —
В тяжёлые вьюки
Уложен,
Увязан весь летний сезон.

В весеннем лесу

Весенний лес. Какой в душе подъем!
Мне ёлка тянет дружескую лапу,
И сам я перед первым муравьём
В приветствии приподнимаю шляпу.
Привет тебе, лесной рабочий класс,
Чуть пообсохло – ты уже в заботах.
И тянется тропинка,
как рассказ,
Сюжет меняя с каждым поворотом.
Там – первый лист,
А здесь в тени сугроб
Остекленел, совсем уже не дышит.
Трескуче дятел сыплет сверху дробь,
И ручеек деревьям корни лижет.
И облака по небу не спеша
Идут весенней поступью привычной.
Спасибо, что не старится душа,
Что ей пока ничто не безразлично!

От ягод и яблок

От ягод и яблок
Сады тяжелеют,
Гремят по-июльски
Ночами грома.
Кончается август,
Рябины алеют,
Посыпался дождь
Золотой в закрома.
В отлёт собираются
Стаями птицы,
Вчера незаметно
Исчезли стрижи.
И лета осталось
На две-три страницы,
А осень —
Хоть целую книгу пиши!
Привяли в букете
Моём незабудки,
К рассвету
Головки пригнули слегка.
Как быстро промчались
Последние сутки!
А это ведь
Целая жизнь мотылька...

Как в городе лето

Как в городе лето
Проходит нелепо,
Надеюсь на что-то,
Хотя бы в конце...
Не вижу большого
Глубокого неба,
Не чувствую звёзд
У себя на лице.
Неужто не плыть мне
Таёжной рекою,
Верёвкою сшив
Две упавших сосны,
Отдавшись течению,
Речному покою,
Вдыхая сырые
Таёжные сны.
Неужто за мшистой
Стеною зимовья
Не слушать шипенья,
Шептанья шуги,
Не видеть пушистые
Белые хлопья
На вечнозелёных
Шинелях тайги.

У берёз пожелтели виски

У берёз пожелтели виски,
На траве седина проступает —
Это осень неслышно ступает:
Гаснут клумбы, летят лепестки.

И хотя ещё птичья капелла
Оглашает поля и луга,
На окно моё бабочка села
И подняться уже не смогла.

Зимняя степь

Здесь небо широко и глубоко.
Подкрашенный вечерним освещением
Архипелаг высоких облаков
Воздушным омывается течением.

Как степь не полюбить за широту,
За бесконечность русского простора!
Я оставляю за верстой версту,
Не встретив ни куста, ни косогора.

Невольно начинаю мыслить вслух,
И рад зиме, и рад дороге дальней,
Я чувствую такую изначальность,
Что от неё захватывает дух!

Мария БОРИСОВА

Счастливым днём

Звенело в поднебесье птичье пенье,
С утра настроив на мажорный лад.
Пришло тепло, и майское цветенье
Разливом белым затопило сад.

Счастливым днём, без суеты излишней.
Как рай весною, хороша земля.
Мы завтракать устроились под вишней,
В её тени, – родители и я.

Вокруг шмели сновали деловито,
Скворцы свой новый обживали дом,
И счастье было в воздухе разлито,
А чай казался солнечным вином.

Вернуться б в тот весенний день, на дачу,
Наполнить сердце радостью простой,
Там на пригорке первый одуванчик
Уже раскрыл свой венчик золотой.

Там, сразу за забором, – гладь залива,
Вода слегка рябит от ветерка.
Там – мы втроём, и день такой счастливый,
А жизнь так беззаботна и легка.

Нет, время боли моей не лечит

Нет, время боли моей не лечит, —
Удел такой.
Я снова в церкви поставлю свечи
За упокой.
Не верую!
Ну, а вдруг,
А всё же...

Кто может знать?
Молю за них,
Мне всего дороже
Отец и мать.
– Пусть души их пребывают вместе, —
Я говорю.
– Прими их, Господи!
Дай им место
В твоём раю!

Они не били тебе поклонов,
Был чужд им храм,
Суди их, Боже,
Не по канонам,
А по делам.

Их чистой жизни,
Такой полезной,
Окончен срок.
В своей обители дай им место,
Не будь к ним строг!

Джибулани¹

Свободу мячу!
Только дайте мне волю,
Помчусь, как хочу,
По зелёному полю

Быстрее гепарда
И вспугнутой лани.
Футбол вам – не нарды,
А я – Джибулани.

Коварен, упрям,
Не страдаю одышкой,
И я вратарям
Помотаю нервишки.

Добавлю всем страсти,
Футбольным пророкам —
Волнений. Я мастер
Нырков и отскоков.

Всем нужен успех,
А игра лишь вначале,
К концу же – я всех
Игроков измочалю.

Удар по воротам
Был хлестким и зрячим,
Но мне неохота
Сегодня ишачить.

Трибуны вопят
И заходятся свистом —
Создавший меня
Был отчасти садистом.

За мной вся орава,
Галдят, словно дети,
Я – влево, я – вправо,
Ни к тем и ни к этим.

Судьба нелегка.
Сколько ног по мне било!
Вратарь тумака

¹ Мяч чемпионата мира 2010 г. Выпущен фирмой «Адидас», имя получил по названию одного из африканских племён.

Мне вlepил, что есть силы.

Азартен, неистов,
Отмечен голами,
В историю вписан
Уже Джибулани.

Сизиф

Тот камень у горы лежал веками,
Вознесся вдруг, попал в античный миф.
Он прежде был простой лежащий камень,
Но в гору покати́л его Сизиф.

Сперва от страха камень впал в унынье,
Потом привык, потом вошел во вкус:
– За мной Сизиф, и ничего отныне
Я при его поддержке не страшусь.

С Сизифом мы взбираемся все выше.
Здесь наверху такая благодать!
С натугою он мне в затылок дышит,
А до вершины тут рукой подать.

Теперь Сизиф становится обузой, —
Пусть кое-чем обязан я ему.
Сам доберусь, настал конец союзу,
С ним разделять триумф мне ни к чему.

И камень вырвался из рук Сизифа.
Рассчитывал преподнести сюрприз!
А дальше все пошло согласно мифу,
Ну и, конечно, камень рухнул вниз.

Сизиф, в мотивы камня не вникая,
Сошёл с горы. За свой сизифов труд
Он взялся вновь... Его судьба такая.
Но думается мне, что мифы врут:

Сизиф, с его могучими руками,
В титановых делах своих горазд,
И на вершину водрузит он камень,
Тот камень, что Сизифа не предаст.

В России прежде, это не секрет

В России прежде, это не секрет,
Поэт был наподобие мессии.
Он был, понятно, «больше чем поэт».
Каков его удел теперь в России?

В истории немало виражей
Лихих, а что до нашего предмета:
Ни полных залов нет, ни тиражей,
Ни средств на выпуск книги у поэта.

Поэзия сегодня не в чести,
Но, видно, так язык устроен русский —
Он сам собою вольно льется в стих,
Стремится в поэтическое русло.

Ведь в нашем языке для рифм – простор,
Таится в нём соблазн такой могучий!
Слова легко сплетаются в узор,
Перерастая в магию созвучий.

Однажды всё изменится для нас.
Романтик, я наивно верю в это:
Не оскудеет русский наш Парнас,
И снова станут здесь нужны поэты.

Илья БРАГИН

Ладно, больше не хнычу, не плачу

Ладно, больше не хнычу, не плачу —
Грусти нет на лице моём.
Но скажи, мы поедem на дачу?
Мы поедem туда вдвоём?

Вечерком у реки погуляем,
Лес во мгле, словно старый монах.
Тишина там повсюду святая,
Не бывает такой в городах.

Жемчугами наземными – росы,
Непривычно нам падать в росу,
И, подув в расплетённые косы,
Я к восходу тебя унесу...

А проснувшись и холод почуяв,
Мы растопим в доме камин.
А потом тебе расскажу я...
Ты не едешь?! Ну что ж... Я – один.

Весточка

В воздержанье постном и разночтенье
Я все лето нынче живу на даче.
Много сплю, ленюсь, занимаюсь пеньем,
По лесам хожу, иногда рыбачу...
В жизни сельской, милой – своя услада,
Ни экзаменов, ни метро, ни спешки,
Да и что еще человеку надо,
Если в дождь в камине трещат полешки...
Повезло с погодой нам, впрочем, летом:
Знаешь, очень сильно пекло в июле.
Вот и все, дружок, закруглюсь на этом.
А еще меня навещает Юля...

Алексей БРИЛЛИАНТОВ

Родина

Кто не плакал в кайму её шали?
Не искал её глаз оберёг?
Если слёзы молитвой упали,
Тут же к ней прикасается Бог...

Ворожа временами и далью,
В чём-то пёстром с подбоем ветров,
Сном чудная, булатная сталью,
Русь моя на развилке веков.

За тропюю ловцов синекуры,
Незабудкой в обрывном песке,
Набухающей жилкой Амура
На открытом восточном виске...

А цвет значенья не имеет

А цвет значенья не имеет:
Не верю в заданность кровей.
И чья душа порок лелеет —
То по делам оно видней.

Что мне до расы, рода, веры
Того, кто спину мне прикрыл,
Кто отдаёт последней мерой
И кровь, и пот, и хлеб, и пыл.

И прилагательное «русский» —
Не орден Родины моей,
Не буковки на бланке хрустком:
Скорее – это род людей.

Кто в ссадинах её запёкся
И вмёрз душой в её снега;
Своих истоков не отрёкся,
Но в ней – увидел берега.

В ней, что огромными крылами
Закат цепляя и восход,
За перелётными клинами
Не может двинуться в исход:

Где Азия с Европой сшиты
Уральским складчатым рубцом —
Растят её детей и жито,
И сто наречий под венцом.

Пусть падать камнем на Тунгуске,
Но в длань её. И «даждь нам днесь».
Я не широкий и не узкий.
Я русский. Я проросший здесь.

Сюита портового утра

Если чёрная ночь на пороге
Или камнем на душу рассвет, —
Выхожу по разбитой дороге
На причалы усталых побед.

Там, за пирсом, где бранью чугунной
Прогремит быстротечная цепь,
Где швартовы капеллою струнной,
Ксилофоном – древесная крепь,

Где танцуют отважные крачки,
Тенорок проверяет буксир,
И тромбонами трубы, а мачты
В пальцах бриза – подобием лир,

Где русалочьим всхлипом у донца
Шлюпки с волнами вторят куплет —
Там оранжевым парусом солнце
В этот час завершит кругосвет.

Питеру. Признание

В городе из «Линий» и каналов,
Из надгробий, арок, тополей
И закрытых каменных пеналов,
И открытых водяных полей...

Где мосты парят чугунной стаей,
Крылья разминая по ночам;
Где рассвет, в закате прорастая,
Не оставит времени свечам...

Очертанья римских геометрий
В русский возведённые предел,
В островах, не знающих безветрий, —
Вечности назначенный удел...²

² Удел – согласно «Русской правде» Ярослава Мудрого, наследуемые владения князей, полученные от Великого князя (верховой власти).

Бились «белые» и «красные»

Бились «белые» и «красные»,
Словно кровью были разные;
За серёдку, за околицу,
И за веру, и за вольницу,

Кто за долю, кто за вотчину...
Кто: «Да будет!»; кто: «Всё кончено...»
И землице, чёрной вдовушке,
Подменили росы кровушкой...

А теперь – ищите правого,
Да без пятнышка кровавого.

Пустой кувшин с дыханием ветра

В хоромах грома
На краю краёв,
Где шорох громок
Снеговых роёв

И ветер тесен
От напрасных слов,
Никчёмных песен
И бездарных снов,

Презрев вершины
Утончённых строф,
Поют кувшины
На губах ветров.

И мантрой чистой
Там дундук времён,
А в травах истин —
Шелуха имён...

Семя

Снова скрипки в душе. Снова холод.
Я – игла под копной тишины
У дороги, которою Воланд
Мчал избранных в вечные сны.

Я – жемчужина в смеженных створках
Во глубинах морского царя,
Под трухой удалённых задворков,
Где померкшая тонет заря.

Я – медяк, что сверкающей решкой
В мир глядит через дырку в полу,
Между шашек – забытая пешка,
Шорох книг, обращённых в золу.

Словно семя в оттаявшей почве:
Не проклюнусь – в земле растворюсь.
Словно куст в примороженных почках:
Не зацвёл – на костре разгорюсь.

Тают скрипки в душе: брызги оземь!
Тает пепел, – возможно, весна.
Вероятно, я просто не озимь...
Запах света. Скорлупка – тесна.

Ясность

Не ищи в глазах моих пророчества:
Муза там...
Недорого возьмёт...
Неизбывны —
смерть и одиночество,
Остальное —
радужный налёт.

Не читай в ладони:
«Что ж там пройдено?» —
Я ни в чём не дам себе зарок.
Мне даны навеки Мать и Родина;
Прочее —
в прокат, на краткий срок...

Алла БРОЙН

Осень Севера

Свинцовость туч с лазурью неба спорит,
Суровость скал – с живым огнём рябин,
Изгибы сопок к тихой глади моря
Легли узором рыже-золотым.

Но не дразните спящую пучину —
Обманчива поверхность сонных вод,
Доколе настоящую причину
Она для спора с ветром не найдёт.

И вспыхнет бунт. Безумной силы полон,
Подует ветер из морских глубин.
И станут биться в ржавый берег волны,
Гордась шальным безумием своим.

Падёт на землю ураган воздушный,
Подымет вихрь искрящейся листвы,
Оставив мир, холодный и бездушный,
В сугробах спать до будущей весны...

Ожидание

Замер мир в ожидании Слова.
Жаждают кисти грядущих картин.
Молоко от небесной коровы
Расплескалось на Млечном пути.

Лижет брызги небесный котенок,
Ловит звездных растрёпанных птиц.
Там живет мой небесный ребёнок,
Мой таинственный Маленький Принц.

Смех его шаловлив и беспечен,
Золотистые кудри до плеч.
Я живу ожиданием встречи,
Чтоб понять, и принять, и сберечь.

Нам в жизни всё отмерено, скитальцам

Нам в жизни всё отмерено, скитальцам,
И мы живём, конца пути не зная,
Любви мгновенья пропустив сквозь пальцы,
Бесценный дар на пустяки меняя.

Но души наши приросли друг к другу,
Им не помехи сотни километров,
И мысли наши сквозь пургу и вьюгу
Летят навстречу раскалённым ветром.

Мы в этой жизни одиноки страшно,
Порой беспечны и смешны, как дети,
Но верю я, что встретимся однажды
На том, никем не объяснённом свете.

Шагнём над бездной, обнимая звёзды,
Чрез Млечный Путь мы перекинем руки.
Здесь будет нам ни капельки не поздно
Сказать «люблю» без боли и без муки.

Владимир БУРКАТ

Ветер истории

То ли косвенно, то ли прямо
Род веду я из тьмы времён
От Давида и Авраама,
А отца зовут Соломон.

Из-под стен Иерусалима
Пращур мой покидал страну,
Чтобы от легионов Рима
Уберечь детей и жену.

То-то ржали солдаты Тита
И плевались через плечо,
Если предок мой на иврите
Крыл их матом. А чем ещё?..

А потом, не в шелка одеты,
Часто битые по лицу,
Мои прадеды жили в гетто
И жевали свою мацу.

Запираясь в подвале дома
И скрываясь на чердаках,
Чудом выжили при погромах
И детей спасли на руках.

А в войну, соседи сказали,
Неодетыми, на ветру,
Деда с бабушкой расстреляли
В нашем местном Бабьем Яру.

Был в степи я, в пустыне, в море,
На семи был продут ветрах,
Но как дует ветер Истории,
Я не чувствовал, вертопрах.

Лишь порою от лиц еврейских,
На которых морщин не счесть,
Вдруг повеет чем-то библейским.
Может быть, это он и есть?

Связь времён

Я руку протяну отцу,
А тот протянет руку деду,
Тот прадеду, а тот к лицу
Того, кто мне совсем неведом.

Поймать пытаюсь связь времён,
Склонюсь со страстью неофитной
Над тёмной пропастью имён,
Дна у которой мне не видно.

Там есть расстрелянные в лоб,
Там есть убитые в погромах
И просто загнанные в гроб
Судьбой, жестокой, как саркома.

Там есть улыбки и цветы,
Ремёсел много и умений,
И дивной женской красоты,
И противоположных мнений.

Я разгадать их не берусь,
Но, вдруг устав в борьбе с собою,
Из глубины ловлю «Не трусь!
Мы все с тобой на поле боя!»

Пусть их время истекло,
Но часто чувствую плечами
От них идущее тепло
Инфранездешними лучами.

И мне б суметь – рука к руке
Жизнь передать как эстафету,
Как чувство, сжатое в строке,
Поэт передаёт поэту.

Dead sea

Оно мертво. Мертвее не бывает.
Не плещется солёная волна,
И теплоход нигде не завывает,
Лишь соль и камни на ладони дна.

Как поплавок, моё лежало тело,
С водой затеяв бесполезный спор,
И вечность снисходительно глядела
На наши игры с иорданских гор.

Афро-Азиатский разлом

Ты помнишь – мы идём по дну разлома,
Бредём почти по доньшку земли,
В немыслимой дали от всех и дома,
И ноги наши в вековой пыли.

На склоне справа – домик бедуинов,
К шесту привязан бедуинский конь,
И солнцем обезвоженная глина
Ступни нам обжигает, как огонь.

Кто брёл до нас по этой каменистой
Тропе, ведущей не поймёшь куда?
Быть может, Павел, тёмен и неистов,
Глаголом покоряя города?

А до него племён живые реки
Текли покорно из конца в конец,
Измученные жаждой человеки
С детьми и жёнами под бляянье овец...

Из глаз моих, сужаясь в перспективе,
Разлом уходит, превращаясь в щель,
И я ему не то чтобы противен,
Но чужд, как в амфору случайно вползший червь.

Похоже, здесь одно из русел Леты,
А пыль – осадок высушенных слёз,
И эхо – это отзвуки ответов
На миллионами повторенный вопрос,

Терзавший каждого, кто грешен и безгрешен,
От первых слов до выпавших седин:
Откуда мы и камо мы грядеши,
И я, и ты, и этот бедуин.

Как мало изменился мир!

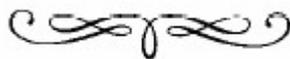
Быть или не быть?
В.Шекспир «Гамлет»

Как мало изменился мир!
И драмы те же и заботы.
Да, если б нынче жил Шекспир,
Он не скучал бы без работы.

Задень соседа невзначай,
И в нём тотчас проснётся Яго,
А утром с Лиром пил я чай,
Детьми обманутым беднягой.

Отеллы душат Дездемон,
Не столь руками, сколько бытом,
Фальстаф не удивит умом,
Но пьян, как прежде, и упитан.

Нет, мной и Гамлет не забыт,
Но не встречал, такая жалость, —
Ведь нынче каждый хочет «быть»,
А чтоб «не быть» другим досталось.

Николай БУТЕНКО

Мои стихи

Мои стихи – мои грехи.
Мои стихи – мои дороги
И песни завтрашней штрихи,
И жизни прожитой итоги.

Мои стихи – мои дела.
Мои стихи – мечты и грёзы,
И сад вишнёвый у села,
И в поле белые берёзы.

Мои стихи – моя любовь.
Мои стихи – печаль разлуки,
И колыбель нежнейших слов,
И мамы ласковые руки.

Мои стихи – друзей союз.
Мои стихи – призыв набата,
И музыка волшебных Муз,
И долг, и мужество солдата.

Мои стихи – мои грехи.
Мои стихи – моя стихия.
В них Время дышит со строки,
И в них живёт моя Россия.

Время

Дав нам жизнь, ты бесконечно,
День за днём, за часом час,
Хладнокровно, бессердечно
Обворовываешь нас.
Ты – ничто...
Ты – всё...
Ты – бремя...
Возраст – вечность.
Имя – ВРЕМЯ!

В шорохе листьев не спится аллее

Моей Оленьке

В шорохе листьев не спится аллее,
С ветром ласкаясь, умчалась куда-то.
Милая! Хочешь, тобой заболею,
Встречу назначу тебе у заката?

Хочешь, как ветер примчусь, заласкаю
Или, как буря, внезапно нагряну?
Хочешь, созвездием чувств замерцаю,
Нежностью слов пеленать не устану?

Хочешь, как солнце прильну, зацелую
Или, как полночь, туманом накрою?
Хочешь, стихами тебя околдую:
Вмиг позабудешь минуты покоя.

Хочешь?.. Скажи мне...
Признайся, что хочешь?..
Лишь не молчи, если я что-то значу.
Хочешь, заполню собой дни и ночи...
Разве ты хочешь, чтоб было иначе?

Звучит орган... В глухой ночи

Звучит орган... В глухой ночи
Не спится нам: сердца в надломе,
И свет оплавленной свечи
Покоя не находит в доме.

Звучит орган... Тревожный звук
Гнетёт, томит и подавляет,
И грезится: в пучине мук
То не орган – душа рыдает.

Уж скоро утро... Тело в жар
Бросают мысли о разлуке...
Звучит орган... И сердцу жаль:
Вдруг оборвутся эти звуки?..

Кузнечик

Солнце светит, но не свет
Взгляд теплом ласкает —
В поле собранный букет
Сердце согревает.

Посреди цветов в руке
(Сразу не замечен)
Спал уютно на цветке
Маленький кузнечик.

Вдруг он вздрогнул и привстал,
К лепесткам нагнулся,
Скрипку бережно достал,
Звонких струн коснулся.

Мир неожиданно просветлел,
В звуки окунаясь,
И пчелиный хор запел,
На цветы слетаясь.

Понял я, что Божий свет
Чуден даже в малом...
И в моих руках букет
Стал концертным залом!

Луна ткала во тьме небес

Луна ткала во тьме небес
Холсты из света.
В её лучи, задумчив, лес
Стоял одетый.
Переливаясь в блеске звёзд,
Степь не дышала.
На трав шелка в преддверье гроз
Роса упала.
Холсты, расшитые луной,
Струясь, мерцали,
И в зеркалах росы земной
Светились дали.

Полуденный зной

Полуденный зной
Над полем стоит.
В купели земной
Тень облака спит.

Глубокая тишь
В зеркальной воде.
Сварливый камыш
Не слышен нигде.

Покой и уют
Под сенью небес.
Лишь птицы поют
Да слушает лес.

Одежды

Кто и во что в нашем мире одет? —
Ночь – в платье звёздное,
День – в яркий свет,
Горы – в туман,
Их макушки – в снега,
В холод и ветер одета пурга.
Ранние вёсны – в дожди и грозу,
Тёплое утро одето в росу,
Нива – в хлеба,
Степь – в густую траву,
В роще берёзки – в резную листву,
Озеро – в дымку,
А щедрое лето
В лучики жаркого солнца одето.
Осень – в прохладу:
Предвестье зимы...
Только во что одеваемся мы?

Задали этот вопрос мы природе.
Та отвечает:
– Как я – по погоде!

Елена БЫЧКОВА

От Старой Руссы Лобыни близко

От Старой Руссы Лобыни близко —
Истоки русских моих корней.
Стою с цветами у обелиска
И понимаю: среди камней
В лесу еловом иль светлом поле,
А, может, в роще лежит мой дед.
И небо чисто, и эхо – боя,
И сердцу больно: известий нет.

После дождя

Словно на прищепках, листья сохнут.
Двор-колодец в обруч стен зажат.
Солнечные зайчики на окнах
Прыгают и в капельках дрожат.

Солнце сядет – двор в тени утонет.
Вглядываться в окна нет причин —
Видно всё, как будто на ладони,
От смешных веснушек до морщин.

Бог простит

К празднику святой равноапостольной Марии Магдалины

Не отринул грешницу с повинной.
Со слезами, пряча красоту,
Ноги целовала Магдалина
Господу пришедшему – Христу.

Каялась, пошла за Ним в дорогу,
Исцелённой радостен был вид...
Возлюбившим Бог прощает много,
Покаянье – многих исцелит.

Детская больница

Перекрёстки старых улиц-линий,
Василеостровский холодок,
В честь святой Марии Магдалины
Названный больничный городок.

Бархатцы расцветок разных самых —
Украшение тихого двора.
Засыпает с мыслями о мамах,
Грустно глядя в окна, детвора.

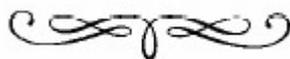
Хуже нет, когда болеют дети.
Ты за них, Мария, помолись.
С нежностью поглаживает ветер
Плачущей рябины тонкой кисть.

Праздник в церкви

Чисты в небесном хоре голоса,
Душе приятны, благодны на слух,
И ласково взирают образа
На деток и молящихся старух.

Лампадки в храме весело горят,
Томится в банках сладостный елей,
Пожертвовать сегодня каждый рад
На церковь даже несколько рублей.

И, как всегда, мне хочется присесть —
Четвёртый час уж служба, видит Бог!
«Устала? – говоришь, – грехов бо несть?» —
Из сердца – голос, праведен и строг.

Юрий ВИНОГРАДОВ

Просьба

...Воспринимай меня во всём,
Не упрекая, как мальчишку.
Душа – неизданная книжка,
Душа – осенний, грустный дом.

Ещё в ней тысячи надежд,
Рассеянных в сентябрьской дали,
Но гуси радостно кричали
Над Шелдомеж³...

Воспринимай во мне с тоской
Басё, отца Хемингуэя,
От звёзд далёких Водолея
Отчаянье течёт рекой.

Воспринимай во мне с тоской
И свежесть трав, и вдохновенье,
И листьев нежные мгновенья,
И песен ивовых покой.

Воспринимай во мне с тоской
Интуитивность – «Мир искусства»,
Высокие, простые чувства,
Закат над сонною Окой.

Воспринимай во мне с тоской
Науку, камень преткновенья,
Несостоятельность ученья
И философии людской.

³ Шелдомеж – некогда процветавший известный монастырь на Северо-Западе России, в местечке Шелдомеж.

Тригорское. Пушкину

Как призрачна дорога и легка,
Обочины занесены снегами.
Идёт метель, идёт издалека
Нетвёрдыми порывами-шагами.

Метель позёмку стелет меж берёз.
Её седины – искры в белом вихре;
И серебра не пожалел мороз
На сосны, что за Соротью притихли...

Звонит метель, кристаллами звонит.
Сугроб нежнее сини халцедона.
Мне нужен ты, затравленный пиит, —
До крика, до усталости, до стона.

Душа твоя – поэзии собор,
Жаль, прихожане разбрелись по свету...
Но в белом поле не мрачнеет взор,
Несёт метель доверие поэту.

Ольга ВИОР

Турмалин

Читала я в книге старинной,
В прозрачных следах на песке,
Что нужно кольцо с турмалином
Носить мне на левой руке.

Он разных бывает оттенков,
Но я выбираю один,
И цвета малиновой пенки
Возьмусь приручать турмалин.

Малиновый камень поможет
Раскрыть всё, что есть в глубине.
Он любит поэтов.
Художник
Носить его может вполне.

Умеет притягивать пепел
И знает, похоже, один —
Насколько мой путь будет светел,
Малиновый мой турмалин.

Нет, только не сейчас!

Нет, только не сейчас!
Не подходите!
Когда мне больно – я всегда одна.
Солоновато-горький вкус событий
Я буду пить по капельке, до дна.

И жалостливых глаз не оценю я.
Так – утешать других неловко мне.
Сама себя казню, сама врачую,
А вам остаться лучше в стороне.

Скорпион

Я за звёздами не шпионю,
Гороскопам гимн не пою,
Но судьбу свою, скорпионью,
Охраняю, как флаг в бою.

Не терплю я ни лесть, ни жалость
И сгораю дотла, любя.
Иногда очень больно жалю,
Только чаще саму себя.

Привыкаю, люблю, теряю.
Что же делать – таков закон!
Но из пепла встаю. Не зря я
По созвездию – Скорпион!

Трюмо

Я разучилась петь в своей квартире.
Без музыки – глухая тишина.
В моём весёлом, милом, добром мире
Который год холодная война.

Когда-то танцевала до упаду,
За мной следило с нежностью трюмо.
Забыла всё. Сама себе не рада.
И зеркала в помине нет давно...

От этой жизни становлюсь угрюмой.
Ту девочку, что раньше мной была,
Трюмо не отразит. Я существую в трюме...
Мутнеет лик зеркального стекла.

Монолог после смерти

Я ушла. А никто не заметил.
Я ушла. Навсегда. Насовсем.
Мир, что был так пронзительно светел,
Осыпается пеплом с колен.

Вот и всё. Ни конца и ни края.
Облака всё плывут и плывут.
Дочь, не верь никому! Я – живая!
Просто нет здесь часов и минут...

Всё слилось в бесконечном движенье,
Где мгновение в вечность длиной.
Не увидишь моё отраженье,
Я всегда у тебя за спиной.

Я ушла. А никто не заметил...
Я ушла. Неужели – совсем?
Этот мир, что когда-то был светел,
Осыпается пеплом...

Пальто

Не хотела вспоминать прошлое —
Как росла на семь ветров брошена.
От забора на локтях ссадины.
Говорили, что со мной «сладу нет».

И судачат во дворе сплетницы:
«С мамкой только через год встретится».
А у бабушки вчера пенсия —
Жить на сорок два рубля вместе нам.

Помню зимнее пальто красное.
Собирали помощь мне «классную».
Помню, девочка одна лягнула:
«Вечно, нищим, вам всё бесплатное»!

Рассердилась на неё крепко я,
А материя трещит крепкая —
Полетели лоскутки красные
Из окна на белый снег, классные...

Не хотела вспоминать прошлое.
Угол. Крашеный пол. Горошины.
Я стояла на них коленями.
Я училась повиновению.

Встреча

Случайно встретились. Пируем, словно боги
В кафе с названием помпезным «Пир богов».
Две чашки кофе. Интерьер убогий
На полчаса Олимпом стать готов.

Дым сигарет. Не клеится беседа.
Так много слов, что нечего сказать...
Разглядывая своего соседа,
На много лет переношусь назад...

Спрошу: «Как жизнь?», чтоб паузу заполнить.
Расскажешь, что нагринула родня...
А я смотрю и всё пытаюсь вспомнить —
Что так в тебе тревожило меня?

Пейзаж. Берёзовая роща

Пейзаж. Берёзовая роща.
Стволы теснятся в узкой раме.
Попробую понять на ощупь.
Деревья трогаю руками...

Безумен автор? Или гений?
Живёт среди нас? Давно бесплотен?
Сюжет последних сновидений —
берёзы просятся с полотен.

Домой поэту ехать было скучно

Домой поэту ехать было скучно —
Затронут был какой-то важный нерв.
В предчувствии: жена затеет взбучку.
В метро поэт достал блокнот и ручку
И за минуту сочинил «шедевр».

Он в лирике своей ходил по кругу:
Писать о новой страсти? Не вопрос!
О том не знала новая подруга...
Ехидничала мартовская вьюга
И предрекала бурю летних гроз.

Лето на пляжной сумке

Зимой на пляжной сумке «с абрикосами»
Я солнечное лето разыщу,
Оранжевыми красками раскосыми
Балую любопытных глаз прищур.

На лицах у прохожих изумление:
Лучится лето, мимо мельтеша...
А я шагаю сквозь толпы движение
С любимой пляжной сумкой, не спеша.

Аксессуар с погодой не вяжется
И с курткой тёплой явно не в ладу...
Мне кто-то улыбнётся – и покажется,
Что счастье улыбнулось на ходу.

Не мучайся нелёгкими вопросами,
Ворчать на небеса не торопись!..
Зимой на пляжной сумке «с абрикосами»
Мелькает лета солнечная высь.

Андрей ГОРДИКОВ

Тридцать лебедей

Сегодня тридцать лебедей
Над пасекою пролетели.
Вблизи безжизненно желтели
Луга над пасекой моей,
И у соснового леска
Приткнулись две железных будки,
А сосны спали до побудки
Прикосновеньем ветерка.

Я помню: тридцать лет назад,
Весною северного края,
У полыньи лебяжья стая
На льду устроила парад.
Там после трудного пути
Она так радостно шумела:
Мол, вот и долететь сумела,
И воду чистую найти!

Прицелился я с кручи вниз
В ближайшего. Стоял он боком...
Мой выстрел грянул одиноко,
И птицы с криком сорвались.
(Лишь выстрел вспыхнет горячо,
Смертельный или неудачный,
Он в тот же миг даёт отдачу —
Отдачу в сердце и в плечо!)

А нынче в ровных взмахах крыл
Спокойно лебеди проплыли.
Быть может, это внуки были
Того, кого я не убил.
А, может, – это тридцать лет,
Как лебеди, собравшись в стаю,
Неотвратимо улетают
Голодной юности вослед.

Мои спасатели

Годами пропаганда дребезжала,
Но от словесной пакостной трухи
Меня спасали песни Окуджавы
И Галича горячие стихи.

Казалось, что не сможет сохраниться
В народе совесть: сникла, чуть дыша...
Но Гоголь, Достоевский, Солженицын
Напоминали: есть у нас душа!

И в горькие часы утрат последних,
Когда тоска просилась на покой,
Я отвечал: «Прошу простить, миледи!..
Сюда нельзя – здесь Пушкин и Толстой!»

В деревне

Как хорошо, что есть свеча и печка
В моей непритязательной избе.
Алей свернулся бархатным колечком
И, чуть дыша, спокойно спит себе.
Мы с ним лису сегодня погоняли,
Сперва дуплетом отпугнув волков,
А на снегу и в книжке записали
Порядочную толику стихов.
Леса заиндевелые уснули,
И редкий, осторожный снег пошёл.
А за окном заснеженные улы
Таят неугомонный шорох пчёл.
На койке ждёт двойное одеяло
Вдали – политика, карьеры, куражи...
Покой и лад – так много и так мало —
Нужны нам, чтобы зиму пережить.

Татьяна ГРАЧЁВА

И задумал кто-то голос мой

И задумал кто-то голос мой,
Чтоб манил неждешнею тоскою,
Чтобы вился нитью золотой
И окутал сетью золотою.

И задумал кто-то в мир явить
Эти руки, негой налитые,
Чтобы в них волной волос пролить
Золотые нити, золотые.

И задумал кто-то получить,
Майский день, когда сольются вместе
Золотые пряди и лучи,
Чтоб светить в ладонь мою и в песни.

И прольётся светлая тоска,
Заискрится ливнем вдохновенья,
Для любви бессмертье соткав
Золотыми нитями мгновений.

Мой милый шут, зачем ты так обидчив?

Мой милый шут, зачем ты так обидчив?
Не нужно женщин принимать всерьёз:
Они печальны, если ты улыбчив,
И веселы, твоих дождавшись слёз.

Мой милый шут, и я не исключенье.
Твоя обида – это мой успех.
И мне давно знакомо развлечение
Терзать того, кто дорог больше всех.

Мой милый шут, напрасно не пытайся
Переменить законы бытия.
Мой милый шут, почаще улыбайся!
Тебе наградой будет грусть моя...

Стрекоза и муравей

Я не слышала басни грустней:
Полюбил Стрекозу муравей.
И она полюбила его,
Да не вышло у них ничего.

Стрекоза,
 Стрекоза,
 Стрекоза!
У тебя неземные глаза,
У тебя золотое крыло,
Но, пойми, твоё лето прошло.

Ей бы только немного тепла,
И она б до весны дожила.
Но умела она только петь,
А поющих не стоит жалеть.

Муравей,
 Муравей,
 Муравей!
Что ж ты сделал с подругой своей?
Приземлял ты её, приземлял
И однажды совсем потерял.

А мораль этой басни понять
Может тот, кто умеет летать,
Для кого муравейник – тюрьма,
Лучше птицам и рыбам – в корма!

И остался один Муравей
С непосильною ношей своей:
Тащит он золотое крыло...
Тяжело? Тяжело!

В зимнем садике долго качели скрипели

В зимнем садике долго качели скрипели:
Тонко, жалобно – вверх,
и отчаянно – вниз.
Сын качался на них, как дитя в колыбели,
И внезапно прочёл мою тайную мысль.

Он спросил о тебе —
я в ответ промолчала,
Только сбивчиво сердце стучало в груди.
И летали качели, качели кричали:
«Приходи!»
И «Не смей!»
И опять «Приходи!».
И «Не смей!»...

Татьяна ГРОМОВА

*Я часть той вечной силы, которая,
Стремясь ко злу, свершает благо.
И.-В. Гете*

По Высшей воле в космосе царят

1.

По Высшей воле в космосе царят
Вселенские законы повсеместно.
...Немыслимую бездну лет назад
Из бездны тьмы возникла света бездна.
В своем противодействии едины,
Как две неразделимых половины.

Вселенской справедливости закон
На Землю щедро изливает милость
И, словно свет, что был из тьмы рожден,
В сердцах добро из бездны зла родилось.
Их семена, как семена аира,
Разбросаны по всем дорогам мира.

Рассеяны по душам и сердцам,
Не существуют розно друг без друга —
Подобны неразлучным близнецам
Добро и зло. И неизбежна мука
Противопоставленья – тьма и свет.
Пути иного не было и нет.

2.

Разбросаны по всем дорогам мира,
Мы все бредем в один всеобщий Рим.
Об этом Риме мы не говорим,
И ждут нас там не виллы, не квартиры,
Но, может быть, единственный тот дом —
Тот, что искали долго и с трудом,
От Малых Васюков до Альтаира.

Неисчерпаем мир, необозрим

И оплетен дорогами-сетями.
Мы в этот мир являемся гостями,
Чтоб отыскать обетованный Рим
И сохранить, как Палатина камни,
Слова, что отшлифованы веками,
И наши души – нам поводыри.

Придёт пора в неисчислимый раз

Придёт пора в неисчислимый раз
И умереть, и заново родиться:
Привычных убеждений мишура
Однажды чепухой оборотится,

Исчезнет лицемерная игра,
Несносное притворство прекратится,
Прервется обязательств вереница,
Забудется, утихнет боль утрат —
Придёт пора!

Окупятся страдания сторицей,
И мудрость, с позволения добра,
На свет предъявит подлинные лица —
Придёт пора!

Что ж ты, девонька, заплакала

– Что ж ты, девонька, заплакала,
Пол слезинками закапала?
Что кручинишься, красавица,
Чем душа твоя печалится?

– В тридевятиом дальнем Купчино
Мое счастье залучено,
Злыми чарами заковано,
Заклинаньем околдовано.

В дали купчинские дальние
Застотридевятъквартальные
Засылаю добру весточку,
Вольну птичку эсэмэсочку.

Ты найди мово зазнобушку,
Убери с души хворобушку,
Силой духа эсэмэсного
Расколдуй его, болезного!

Туесок на поясе

Туесок на поясе,
Тишина небес...
С миленьким на поезде
Едем в дальний лес.

Не назвал любимую,
Не поцеловал,
Шёл тропинкой мимо – и
Ягоды срывал...

Шёл тропинкой дикою,
С думой о грибах...
...И горчит брусникою
Осень на губах.

Мария ГРУЗДЕВА

Помню луга заветную тропку

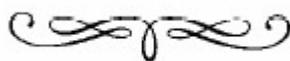
Помню луга заветную тропку,
Комариный мелькающий рой.
За целебной травой кровохлёбкой
Шла я с бабушкой летней порой.

Две летучих косы за спиною,
Беспечальна, легка голова...
Августовским расплавленным зноем
Луговая дышала трава.

Васильки, одуванчики, клевер
Прижимала я к сердцу и шла.
Привела меня тропка на север,
Навсегда от полей увела.

Вот и город, гранитом одетый...
Ведь когда-то я здесь родилась!..
Только вспомнится знойное лето,
Только чувствую кровную связь —

Даже в самую крепкую вьюгу
Над встревоженной чуткой Невой —
С тем далёким покинутым лугом,
С той загадочной чудо-травой.

Стать бы тополем. У дороги

Стать бы тополем. У дороги
Серебристою шапкой качать.
Падать листьям, лететь под ноги,
Самой снежной пурге под стать.

Стать бы тополем. Невесомо
Постучаться в окошко вдруг.
Вспыхнет светом окошко дома,
Будет меньше во тьме разлук.

Стать бы тополем. Стать бы манной,
Что летит на ладонь с небес,
Самой чистой и необманной,
Просветлённой, как зимний лес.

Хорошо, что в квартире ночь

Хорошо, что в квартире ночь,
Что стихи помешали спать.
Хорошо, что уснула дочь —
Улыбнётся во сне опять.

На стене шевельнулась тень,
А в душе защемила грусть.
Хорошо, что вернётся день,
Успокоит мне сердце. Пусть.

И котёнком крадётся сон —
Я поглажу его слегка.
Хорошо, что со всех сторон
Тянет руки ко мне строка...

Не хочу ничего желать —
Не исполнит желанья ночь.
Хорошо, что во сне опять
Засмеялась тихонько дочь...

К берегу причалившая лодка

К берегу причалившая лодка.
Тишина, похожая на бред.
И звезда, сияющая кротко, —
Горше и родней картины нет.

Маятная, грешная, святая,
Так иконно в вечности светясь,
Спит Россия, о судьбе не зная.
И закат на стёклах пишет вязь,

И ветра осенние щемяще
Трогают рябиновую гроздь.
Кто Россию посчитал пропащей,
Тем воскреснуть в ней не довелось...

Пальцы сжав до боли и до хруста,
Помолюсь я на сквозном ветру.
Без России во Вселенной пусто.
Без неё, без Господа – умру.

Я умру, наверно, поутру

Я умру, наверно, поутру.
Не люблю неласковость ночей,
Тьмы и тени смутную игру,
Ветра зов, как звяканье ключей,

Дождь по крыше или даже гром
Среди неба ясного в ночи.
Не люблю, когда уснувший дом
Боль твою не слышит – хоть кричи...

А рассвет – всему венец, всему.
От него и спится горячо.
И тревожно сердцу моему,
Словно он – любимого плечо.

Помнишь, в августовской были

Там на неведомых дорожках...

А.С.Пушкин

Ю.В.

Помнишь, в августовской были,
В полдень ягодно-грибной,
Мы с тобою в лес ходили
За брусничной тишиной?

Все «неведомы дорожки»
Обойдя в лесной стране,
Мы собрали горсть морошки
И букет фиалок – мне.

Золотил мои ресницы
Твой лучисто-нежный взгляд,
Сердце крохотной синицей
Улетало в райский сад.

Ты сказал с улыбкой: «Маня,
Будет супчик из груздей!»
И, стихи в лесу горланя,
Удивили мы зверей.

От лесных красот поэты
Очень часто без ума.
Вспоминать давай про это,
Если явится зима.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

Слово

Господи, гвозди голгофские
Снова вбиваем в Тебя.
Мы позабыли о Господе,
Слово его теребя...
Слово его изначальное,
Слово, что прежде всех лет,
В грешных устах измочалили,
Тьму выдавая за свет...
Господи, Господи, Господи,
Чуден твой праведный мир!
Пажити, пустыни, ростани —
Сколько молитв и могил!
Сколько, чего мы не ведаем,
В мире чудесном Твоем,
Сколько пропето над безднами,
Сколько еще пропоем
Грешного, может, и сущего —
Будем страдать и тужить...
Господи... сколько упущено...
Сколько отпущено жить...

Мороз

Мороз балует, жарит, жжёт,
В полях поигрывает палицей.
И ворон, порешённый влёт,
На лёд, крылом взмахнувши, валится...
Гудят деревья на бору,
Качают кронами хрустальными.
И сумрак – слов не подберу —
Наполнен шорохами, тайнами.
И чувством чувствую шестым —
Мороз сейчас пропишет ижицу,
И месяц в небе так застыл,
Что никуда уже не движется...
А в деревушке над рекой
Живёт-горит окошко тусклое.
Там есть тепло, там есть покой,
Там раздаётся песня русская.
А под снегами в глубине
Зерно засеяно озимое...
А по весне, а по весне
Оно проклюнется, родимое.
Но не видать, но не слышать —
Завьюжено и заметелено,
Повсюду ледяная гать,
Дорожки лунные расстелены.
Мороз балует у ворот,
Скрипит-гуляет за околицей...
А у печи вся Русь поёт,
Портянки сушит, Богу молится...

Двадцатый век

Словно Вий не подымет век,
А подымет – так хрена с перцем!
Притаился двадцатый век
Во шкафу за стеклянной дверцей...
Там на полках стоит рядком
То, что пело, рыдало, выло...
Обернулось потом грехом,
Злое зелье вгоняло в жилу!
Это кладбище или жисьь —
Переплёты знакомых книжиц?
Отвяжись, мой век, отвяжись!
От залётов твоих не выжить...
А была ли там благодать?
Да, была и отнюдь не с краю...
Стану строфы перебирать —
Будто снова брожу по раю...
Так каким ты, Двадцатый, был?
Что содеяли человеки?
Притаился, глотаешь пыль,
Приспустил свои шторы-веки...
Ну а Божий нагрянет Суд,
Так, восстав от земли и тлена,
Твои пасынки вознесут
Эти строфы, склонив колена...

Воздух морозный, тёплые руки

Воздух морозный, тёплые руки,
Запах вокзала, запах разлуки.
Дымом потянет, звуком нерезким,
И побегут за окном перелески,
И поплывут вперестук без устанки
Гати, болота и полустанки...
И полетят деревеньки косые,
И под откос понесётся Россия,
И зазнобит в тамбурочке продутом
От разговора, который под утро.
Снег за окном пролетает лавиной,
Кладбище... церковь... пока еще мимо.
Все мы куда-то катим до срока,
Всем во спасенье дается дорога.

Нам светит солнышко осеннее

Нам светит солнышко осеннее
И причитают журавли,
И наше счастье-спасение
В такой дали, в такой дали!
И на поля на наши грустные
Такую хмарь наволокло...
А что, уж разве мы не русские,
Как там хотелось бы давно!
А что, уж разве мы без совести,
Без глаз уже и без сердец,
И у сей печальной повести —
Навек прописанный конец?
И нам судьбу переиначивать
Уж не достанет боле сил?
Мы долю выбрали собачью...
Собачью, Господи, спаси!
Живём, покуда не покаялись,
И ждём спасения извне,
Организуя апокалипсис
В отдельно проданной стране...

Отцвела черёмуха, и рябина

Отцвела черёмуха, и рябина
Горькой красной ягодой налилась.
Как ждала она, ждала, как любила...
А потом, голубушка, сорвалась...

А потом поехало и помчало,
Понесло под горушку так и сяк...
Дважды замуж сбегала... заскучала...
Даже вены резала второпях.

Ну а ты-то, миленький, всё ли помнишь?
Верно, плохо молишься за неё!
Не пропала-сгинула – это подвиг.
Как бы там ни каркало вороньё!

Подняла сынка она в одиночку.
Ни отца, ни отчима... Тут – Чечня...
На двадцатом мальчики на годочке...
А невеста-школьница вновь ничья...

Отцвела черёмуха, и рябина
Сыплет горькой ягодой с сентября.
Всё про всё отплакала, отлюбила,
Отмолила Господа за тебя...

Деревни

Деревни, деревни, деревни, деревни...
Деревья, деревья, деревья, деревья...
А вот и погост, и река под обрывом,
И боль вековечная стынет нарывом...

Изба заколочена, поле не сжато,
И воткнута в грядку навечно лопата...
И лес обступил, в нём балуют тетёрки,
А он – в довоенной своей гимнастёрке

Под пыльным стеклом, возле самого Спаса...
А прах погребён на углу Фридрих-штрассе...
Европу спасавший, ты видишь ли, как
Деревню твою оккупирует враг?..

Где пели веками светло и беспечно,
Последний сверчок заморился за печкой...
Последняя мышка ушла из подвала,
И ласточка больше гнезда не свивала...

Деревни, деревни, деревни, деревни,
Сомкнулись над вами деревья, деревья...
И Русь зарастает быльем, как когда-то
В эпоху татарщины и каганата...

Но слово пребудет стоять нерушимо,
Его не задушат полынь и крушина,
И длится незримая эта работа —
Святые в окладах, святые на фото...

В избе заколоченной, в рухнувшем храме...
Меж ними и нами, меж ними и нами...

Виктор ГУМЕНЮК

Зачем тебе Египет?

В лесу сугробы намело,
И снег на ёлки тихо сыпет.
Куда ни глянь, белым-бело.
Скажи, зачем тебе Египет?

В снегу костёр трещит искрой.
Стакан налит. И быстро выпит.
Под елью рюкзаки горой...
Зима пришла! А ты – в Египет!

Мой друг уехал на Ямайку

Мой друг уехал на Ямайку.
С морской пеной в волосах
Он ходит там в короткой майке
И в модных шёлковых трусах.

А я не еду на Ямайку.
На лыжах, с палками в руках,
В потёртой старенькой фуфайке
Брожу в заснеженных лесах.

Я – отрок северной природы,
Я грею пятки у огня.
Черноволосяе народы
Пусть обойдутся без меня!

Не люблю я самолёты

Не люблю я самолёты,
Ненавижу поезда
И на дальние широты
Не уеду никогда.

Рюкзачок, как косметичка,
Мал, но доверху набит.
Рано утром электричка
Прямо в лес меня умчит.

С рюкзаком, как с аквалангом,
Я нырну в зелёный рай.
Мне исполнит птичье танго
Скал и сосен милый край.

Александр ГУЩИН

Сердце Родины

В озёрах сердце Родины застыло,
Под тяжестью снегов погребено...
Всё русское, что было сердцу мило,
Застыло здесь, и время истекло.

Лишь эхом вьётся призрачная песня
Над мёртвой стынью, дальней и слепой,
Про степь, про путь, про тех, кто спит не вместе,
Про ворона и дикий волчий вой.

Забыты песни, слов не помнят боле:
Здесь мёртвые страдают за живых.
Живые спят. Сугробы стынют в поле,
Под волчий вой метель кружит меж них.

Сольюсь с метелью в этом танце странном,
И сердце Родины откроется, что клад:
Нет ничего прекраснее обманов
И ничего счастливее утрат.

У печки, за тлеющими дровами

У печки, за тлеющими дровами,
Про вьюгу там, за стеклом, – забыли.
На небе России, объятай снами,
Всё кружится облако снежной пыли.

А стёкла мороз, исчеркав, читает,
А вьюга мечется, плачет, стонет,
У печки тепло, от неё не тает
Путь жизни – дорога в моей ладони.

Попробуй

Проходит всё. Жизнь не всегда права.
От Родины остались лишь преданья.
Бессмысленные, жалкие слова,
Пустые, безнадёжные свиданья!

Твой дар любви прошёл ко мне сквозь век.
Где ты, мой друг, безмолвный, безымянный?!
Во тьме кромешной стынет человек —
В России – тьма под властью окаянной.

Сума, тюрьма. Достанет сил терпеть,
Ждать торжество добра над лютой злобой.
Проходит всё – рождение и смерть,
Переживи, пожалуйста, попробуй.

Мне возвращаться к жизни поздно

Мне возвращаться к жизни поздно.
Вокруг меня сплелись, скользя,
Кольцо воды, текучий воздух
И очень тёмная земля.

Всепожирающее пламя
Всё уравнило до звезды,
Где память – облака и камни,
Воды текущие сады.

И звон пронизывает плёсы
И всем несёт благую весть
О том, что Бог – старик курносый.
Он справедлив, и выбор – есть.

Запуржит, зашуршит

Запуржит, зашуршит,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.